Слово редактора

Виктор Вахштайн

Курьезы и парадоксы феноменологической интервенции

Рецепция феноменологических идей в социологической теории полна загадок, курьезов и парадоксов. Начнем с курьезов.

Ежегодно социологические факультеты страны выпускают сотни дипломированных социологов, глубоко убежденных в том, что «феноменологическая традиция Альфреда Шюца» напрямую связана с качественными методами исследования (особенно с глубинным интервью), с погружением в «жизненный мир информанта» и анализом его, информанта, «биографической ситуации». Отсылки к феноменологии как фигуре легитимации при использовании определенной методологии (той, которая позволяет строить «типологии» из восьми «типов» на двенадцати взятых интервью) сохраняют свою популярность и в статьях коллег. В базе статей РИНЦ за 2013–2014 год мы найдем около 150 ссылок на Альфреда Шюца (он же Шутц, он же Щюц, он же Шуц), и почти в половине случаев отсылки к «жизненному миру», «интерсубъективности», «биографическим обстоятельствам» и «феноменологической традиции» как таковой выполняют ритуальный характер. Тот факт, что сам Альфред Шюц никаких «глубинных качественных исследований» не проводил, работал преимущественно банковским юристом, до последних лет жизни отказываясь даже от преподавания, плохо согласуется с образом «человека, заложившего традицию постижения глубинных субъективных смыслов социального поведения».

В курьезной аппроприации феноменологических концептов представителями «качественных методов» дурную шутку

Вахштайн Виктор Семенович — кандидат социологических наук, заведующий кафедрой теоретической социологии и эпистемологии философско-социологического отделения ФГУ РАНХиГС, профессор Российско-Британского университета МВШСЭН («Шанинка»). Научные интересы: социология повседневности, фрейм-анализ, эпистемология социальных наук. E-mail: avigdor2@yahoo.com

сыграло гуссерлевское понятие «жизненного мира». Падкие на нетребовательные метафоры социологи-эмпирики пренебрегли всей стоящей за ним философской машинерией [Гуссерль, 2000], творчески переосмыслив идею возвращения науки к ее повседневным основаниям [Ковалев, Штейнберг, 1999]. В 70-е годы прошлого столетия аналогичный курьез произошел при аппроприации феноменологической социологии теоретиками леворадикального лагеря. Увидев в феноменологическом понятии «working» (рабочая операция) что-то отдаленно напоминающее «work», неомарксисты переосмыслили мир повседневности как «мир труда», вытеснив в глубины своего теоретического подсознательного то обстоятельство, что «working» — это вообще любое физическое действие человека во внешнем мире [Шюц, 2003]. Отголоски такого прочтения мы сегодня можем найти в самых неожиданных контекстах (см. русский перевод «Анализа фреймов» И. Гофмана: «Трактовка Шютцем „когнитивного стиля“ повседневной жизни определяется следующим образом: ... 3) превалирующая форма спонтанности, то есть труда» [Гофман, 2003: 66]).

Парадоксов и загадок в рецепции феноменологии социологами куда больше. Не имея возможности проанализировать их все в коротком предисловии к номеру журнала, ограничимся упоминанием некоторых из них. Во-первых, парадоксально само словосочетание «феноменологическая социология». По справедливому замечанию верного ученика Шюца Томаса Лукмана, в отличие от социологии, феноменология имеет дело с миром естественной установки, миром-до-рефлексии. А потому феноменологический анализ может в лучшем случае служить основанием протосоциологии, пролегоменами к собственно социологическому познанию [Luckmann, 1979: 205]. (Интересное развитие этот «протосоциологический» аргумент получает у Лестера Эмбри — см. его работу [Эмбри, 2005], а также рецензию на нее Н. Лебедевой в этом номере).

Во-вторых, парадоксальна редукция феноменологической социологии к социологии повседневности. Открытие повседневного мира в качестве предмета социологического анализа — безусловно, заслуга Альфреда Шюца. Но своей концептуализацией повседневности Шюц обязан в той же степени американскому прагматизму, что и немецкой феноменологии. Статья «О множественности реальностей» [Шюц, 2003] — манифест и библия социологии повседневности — написана им в эмиграции, когда феноменологическая философия уже не являлась для Шюца основным ресурсом мысли. Трудно не заметить радикальных расхождений гуссерлевской и шюцевской трактовок повседневного мира.

В-третьих, ключевые вопросы трансцендентальной феноменологии — вопросы конституирования феномена в сознании — парадоксальным образом оказались вытеснены на периферию исследовательского интереса в феноменологической социологии. Работа Арона Гурвича о поле сознания и порядках существования (перевод фрагмента которой мы публикуем в этом номере) куда ближе к исходной гуссерлевской интенции, нежели теория «конечных областей смысла» Шюца. Более того, даже ключевое для феноменологии понятие «интенциональности» у современного социолога-теоретика ассоциируется, скорее, с языком витгенштейнианской, а не феноменологической социологии. У витгенштейнианцев же оно имеет совершенно иное значение, никак не связанное с феноменологической традицией [Anscombe, 2000].

В-четвертых, парадоксально влияние феноменологической идеи смысла на социологическую теорию действия. Именно теория действия, по замыслу Шюца, должна была стать зоной мощной интервенции феноменологической философии в социологию. Именно ей посвящена единственная изданная при жизни книга Шюца [Шюц, 2004]. Аккуратно «вырезав» неокантианскую идею смысла из веберовской теории социального действия, Шюц рассчитывал заменить ее гуссерлевской трактовкой. Провалилась ли феноменологическая революция? Нет, она, очевидно, удалась. Но победа оказалась пирровой — сегодня мы видим, что шюцевская теория действия потеснила «старые» концептуализации лишь для того, чтобы бесславно «сдать» завоеванные высоты наступающей армии теоретиков-витгенштейнианцев и союзным войскам «повернувших к практике» социологов [Schatzki, 1996].

Наконец, последний парадокс — почему феноменологическое влияние в социологии связано (почти исключительно) с именем Альфреда Шюца? Сегодня мы склонны забывать, чему вся социологическая традиция XX века обязана работам Гуссерля. О своей приверженности феноменологии в молодые годы писал Толкот Парсонс: «В гейдельбергской научной среде того времени в центре внимания была феноменология. Конечно, на ее сцене еще не появился Альфред Шюц, не говоря уже о Харольде Гарфинкеле. Феноменологию связывали тогда, в первую очередь, с именами Эдмунда Гуссерля и Мартина Хайдеггера, очень заметного как раз в то время. Так случилось, что мы, студенты, были горячими приверженцами феноменологической точки зрения, и это сыграло важную роль в моем личном становлении» [Парсонс, 2002: 45]. О значении гуссерлевской феноменологии времени для теории систем говорил Никлас Луман (критиковавший Шюца за приземление и выхолащивание абстрактной феноменологической

мысли): « [У Гуссерля] получается довольно сложное теоретическое построение. Если представить его себе во всей полноте, то можно увидеть, какими плоскими по сравнению с ним кажутся теории, которые сегодня разрабатываются под эгидой социальной феноменологии... Такое развитие, разумеется, связано с переездом гуссерлевской феноменологии в США, но еще раньше с попыткой Альфреда Шютца создать единую теорию, исходя из мотивационной структуры Макса Вебера и феноменологии Гуссерля» [Луман, 2007: 88]. Следы феноменологической теории мы можем обнаружить в самых различных (весьма далеких и от теории действия, и от социологии повседневности) теоретических проектах. Однако для нас сегодня феноменология — это, прежде всего, Шюц.

Короткий ответ на некоторые из поставленных выше вопросов мог бы звучать так: *главное достижение «феноменологической интервенции» в социологии — это пересмотр самой повестки дня социологического исследования.* Мы продолжаем размышлять о проблемах сна и бодрствования, здравого смысла и безумия, повседневности и трансценденции, телесности и интенциональности, темпоральности и воображения, привычки и рефлексии, забывая о том, чему (и кому) обязаны этим списком тем.

Ревизии феноменологического прочтения действия-по-привычке как «необъективируемой телесной активности» посвящена работа А. Корбута. Предлагая улучшенную и дополненную версию феноменологической концептуализации, автор вводит в перечень конститутивных признаков такого действия две идеи: «представление о привычке как способе упорядочивания внешнего мира, и представление о привычке как о расширении компетенции [действующего]». А. Костюков обращается к другой сакральной для феноменологов теме — теме повседневности. Его ход: экспликация и пересмотр базовой метафорики теорий повседневного мира (от У. Джеймса до И. Гофмана). Похожую теоретическую операцию предпринимает и М. Ерофеева, которая обращается к «базовым положения теории действия, трансформированным в процессе ее феноменологической интерпретации». Автор показывает, как эта феноменологическая интерпретация продолжает оказывать влияние и на более поздний исследовательский проект — фрейм-анализ. Исследованию точек конвергенции и дивергенции двух пост-феноменологических проектов — символического интеракционизма и акторно-сетевой теории — посвящена работа А. Кузнецова. К «социальным режимам сна и бодрствования» обращается в своем исследовании А. Борисенков, к пост-феноменологическому прочтению человеческой телесности — Е. Орех и О. Сергеева. Феноменологическая и витгенштейнианская оптика в изучении психических расстройств анализируются

в статье С. Бардиной. Автор показывает, что именно упускают феноменологи в своем анализе «мира безумия», и как эти ограничения могут быть преодолены с использованием ресурсов философии Л. Витгенштейна.

Сегодня приходится признать, что феноменологи оказались куда успешнее в постановке проблем, чем в их изучении. Множество появившихся в конце XX века исследовательских проектов — суть попытки решения феноменологических задач не-феноменологическими средствами. Исследования наших авторов — не исключение.

Большая часть статей в этом номере (даже те, которые посвящены изучению конкретных социальных феноменов) — теоретические. И это тоже не случайно. Одно из несомненных достижений феноменологов XX века состоит в том, что они создали особый жанр теоретической рефлексии в социологии. Жанр, правилам которого мы пытаемся следовать по сей день.

Библиография

1. *Anscombe G. E. M. Intention. Cambridge: Harvard University Press, 2000.*
2. *Luckmann T. Pnänomenologie und Soziologie // Alfred Schütz und die Idee des Alltags in den Sozialwissenschaften. Stutgart, 1979.*
3. *Schatzki T. Social practices: a Wittgensteinian approach to human activity and the social, New York: Cambridge University Press, 1996.*
4. *Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта/Под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой; вступ. статья Г. С. Батыгина. М.: Институт социологии РАН, 2003.*
5. *Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Минск; М., 2000.*
6. *Ковалев Е. М., Штейнберг И. Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999.*
7. *Луман Н. Введение в системную теорию (под редакцией Дирка Беккера). М.: Логос, 2007.*
8. *Парсонс Т. О теории и метатеории // Теоретическая социология. Т. 2/под ред. С. Баньковской. М.: Университет, 2002.*
9. *Шюц А. О множественности реальностей // Социологической обозрение. 2003. Том 3. № 2.*
10. *Шюц А. Смысловое строение социального мира // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004.*
11. *Эмбри Л. Рефлексивный анализ. Первоначальное введение в феноменологию. М.: Три квадрата, 2005.*